

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-6-89-110

Экономический рост или гармоничное социально-экономическое развитие?

Часть I. Теоретико-методический взгляд¹

В.В. ШМАТ, кандидат экономических наук²

E-mail: petroleum-zugzwang@yandex.ru

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск

Аннотация. На рубеже тысячелетий стала отчетливо видна смена приоритетов в социально-экономическом развитии территорий – стран и регионов. Цели увеличения объемов производства и наращивания монетарного богатства уступают свое место новым, связанным с сохранением окружающей природной среды, преодолением бедности и социального неравенства, развитием человеческого потенциала и стремлением к инновациям. Изменение парадигмы роста порождает вопрос об адекватности традиционных статистических методов измерения и оценки результатов социально-экономического развития. В статье приводится краткий анализ господствующих идей по их реформированию и предлагается подход, основанный на совместном учете факторов экономического благосостояния, устойчивости, инклюзивности и инновационности. Последние рассматриваются как слагаемые гармоничного социально-экономического развития, результаты которого предлагается оценивать с помощью специально построенного композитного индекса.

Ключевые слова: территория; экономический рост; социально-экономическое развитие; экономическое благосостояние; устойчивость; инклюзивность; инновации; гармоничное развитие; индекс гармоничного развития

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, проводимых в рамках плана НИР ИЭОПП СО РАН по Проекту 5.6.3.2. (0260–2021–0004) «Ресурсные территории Востока России и Арктической зоны: особенности процессов взаимодействия и обеспечения связанности региональных экономик в условиях современных научно-технологических и социальных вызовов».

² При подготовке статьи использованы материалы и результаты выпускных квалификационных работ Алексея Мамона (2020 г.) и Анастасии Сатлаевой (2021 г.), защищенных на экономическом факультете Новосибирского государственного университета под научным руководством автора.

«Экономический рост» vs. «социально-экономическое развитие»

Экономический рост и социально-экономическое развитие – это далеко не синонимичные понятия. В общем смысле экономический рост является основой социального развития и решения социальных задач и проблем, с которыми сталкиваются те или иные страны и регионы. Вполне очевидно, что чем богаче территория (страна или регион), тем больше ее потенциальные возможности в решении социальных задач. Но само по себе богатство – это еще не гарантия надлежащего использования имеющегося потенциала.

Поэтому прежде попробуем уточнить, в чем состоит различие рассматриваемых понятий. В самом непосредственном смысле, в базовых определениях: экономический рост – это увеличение по сравнению с предыдущим периодом величины ВВП (на региональном уровне – ВРП), приходящегося на душу населения [Лавров, Капогузов, 2006]; или же это долгосрочная тенденция увеличения реального ВВП [Матвеева, 2007]. Конечной целью экономического роста, во-первых, является увеличение материального благосостояния населения; а во-вторых, обычно подразумевается, что должно происходить улучшение качественных показателей социально-экономической системы (совершенствование отраслевой структуры экономики, повышение образовательного уровня и показателей здоровья населения, нарастание степени социальной стабильности и зрелости экономических институтов). Это подводит нас к определению экономического развития, неотъемлемой частью которого является экономический рост.

Экономическое развитие ассоциируется с повышением качества и уровня жизни населения, а также рассматривается как долгосрочный процесс, влекущий увеличение подушевого ВВП или национального дохода [Черемисинова, 2017]. Результаты экономического роста могут быть основой для повышения материального благосостояния населения, однако в действительности последнее далеко не всегда увеличивается с ростом экономики (во всяком случае, темпы роста экономики и доходов граждан не обязательно совпадают или близки). Кроме того, с каждым годом все более важными становятся аспекты устойчивости и инклюзивности экономического роста с решением таких задач,

как обеспечение равных возможностей для граждан, улучшение качества жизни и экологической безопасности, расширение эффективной занятости и сокращение бедности [Пахомова, Малышков, 2016].

Нетождественность экономического роста и социально-экономического развития порождает научную проблему измерения (оценки) уровня и динамики последнего. Проблема измерения состоит в том, что сейчас нет общепринятых универсальных индикаторов для комплексной, обобщающей оценки результатов социально-экономического развития, учитывающей различные аспекты этого процесса. Чаще всего в качестве таковых используются показатели системы национальных счетов (СНС) «во главе» с показателем валового продукта (национального, регионального) – суммарного или в расчете на душу населения, в номинальных, сопоставимых или паритетных ценах.

Однако исследователи и практики к показателям ВВП/ВРП в настоящее время предъявляют множество претензий – и не только по части их «социальной индифферентности», но и в силу несоответствия целому ряду новых реалий экономической жизни, сложившихся в последние два-три десятилетия. Во всяком случае, согласно Д. Койл, показатель ВВП был, возможно, хорош для XX столетия – эпохи физического массового производства, – но кажется неадекватным для XXI века с его проблемами измерения устойчивости, инноваций и нематериальных благ [Coyle, 2014]. Нынешнее столетие ассоциируется со сменой приоритетов в экономическом развитии. Новые цели требуют новых показателей для измерения результатов деятельности; в свою очередь, новые критерии могут трансформировать оценку благополучия той или иной страны, того или иного региона [Новиков, Новикова, 2019]. Главное же заключается во взаимосвязанности целей развития и показателей, которые позволяют судить о степени их достижения.

Чем плох показатель валового продукта для оценки социально-экономического развития?

В статье не ставится задача дать развернутую критику показателя ВВП/ВРП, попытаемся лишь резюмировать основные

замечания, родившиеся в ходе дискуссий по вопросу измерения экономического роста и результатов экономического развития.

Критике индикаторов валового продукта, причем весьма обоснованной, посвящено уже большое число работ. Своего рода вершиной этой критической волны можно назвать исследование группы экспертов во главе с нобелевским лауреатом Джозефом Стиглицем в конце 2000-х гг. Комиссия по основным показателям экономической деятельности и социального прогресса (комиссия Стиглица – Сена – Фитусси) была создана в 2008 г. по инициативе тогдашнего президента Франции Николя Саркози специально с целью разработки критериев оценки социально-экономического процесса, не опираясь на ВВП. По результатам ее работы был подготовлен доклад, впоследствии опубликованный в виде монографии *Mis-measuring our lives. Why GDP doesn't add up* [Stiglitz et al., 2010] и переведенный в том числе на русский язык³.

Каковы же главные претензии к валовым показателям? Измерение экономического роста на их основе не позволяет выйти за рамки монетарной оценки производимых товаров и услуг. И хотя, в принципе, валовые стоимостные индикаторы дают возможность соизмерять разнородные вещи в стоимостной форме, а затем анализировать производство и потребление в обществе, далеко не все аспекты создания и выбытия стоимости находят в них адекватное отражение. Более серьезные и труднопреодолимые недостатки валового измерителя связаны с недоучетом стоимости, создаваемой в финансовом секторе и, тем более, в современной инновационно-цифровой экономике; с пробелами учета экономики совместного использования, нематериальных инвестиций, качественных изменений в экономике [Bean, 2016]. Таким образом, как отмечают критики показателя ВВП, данный индикатор систематически недооценивает рост, поскольку не может полностью учесть расширение номенклатуры товаров и услуг, производимых в экономике [Coyle, 2015].

В том, что касается социальных эффектов, главная проблема использования валовых статистических показателей заключается в невозможности должным образом учесть процессы, вызывающие экономическое неравенство (неравномерное распределение

³ Стиглиц Д., Сена А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 216 с.

создаваемого дохода в обществе, бедность, ограничения на участие в экономической деятельности для тех или иных групп и слоев населения и проч.) [Coyle, 2014; Stiglitz et al., 2009].

Образно говоря, в картине мира, рисуемой с помощью красок валовых показателей, слишком слабо выражены тона социальности, экологичности и инновационности, т.е. критически важных аспектов современного социально-экономического развития.

Экологические факторы неразрывно связаны с требованиями и задачами обеспечения устойчивого социально-экономического развития, возможности поддержания достигнутого уровня благосостояния в отдаленном будущем. В аспекте социальности наиболее значимо неравенство в обществе – не только в распределении доходов и собственности (при этом не выполняется требование справедливости), но и в возможностях участия в экономической жизни, доступа ко всему многообразию социальных благ и т.п., что интерпретируется в терминах инклюзивности. Инновационность выражается, с одной стороны, в динамике создания разнообразных инноваций (прежде всего технологических), а с другой – в масштабах их применения и скорости замещения традиционных технологических укладов либо создания принципиально новых.

Факторы инклюзивности, инновационности и устойчивости в социально-экономическом развитии тесно связаны с аспектами, относящимися к накоплению человеческого капитала. Но если с экологией связаны в первую очередь условия (благоприятные или неблагоприятные через влияние на здоровье людей) для накопления человеческого капитала, то инклюзивность и инновационность оказывают непосредственное воздействие на сам процесс накопления. Налицо и значимая положительная обратная связь между накоплением человеческого капитала и рассматриваемыми аспектами экономического развития.

Идеи модернизации и замещения валовых показателей связаны с попытками учета (тем или иным способом) перечисленных факторов. Следует отметить, что исследование комиссии Стиглица – Сена – Фитусси имеет ярко выраженный конструктивный характер: наряду с критикой валовых индикаторов экономического роста авторы представили и обсудили множество альтернативных подходов и методик. При этом показано, что реформирование системы экономических измерений, вероятнее всего, должно

пойти по пути построения панелей индикаторов либо составных (комплексных) индикаторов, а не выбора какого-то индивидуального статистического показателя, способного заменить собой показатель ВВП. Но авторы видят и возникающие при этом проблемы. В случае панелей и составных индикаторов общая проблема – это указание на причинные связи их элементов с тем, что является результатом измерения, например устойчивостью. Недостатки панелей связаны с их гетерогенностью, а зачастую – эклектичностью. Кроме того, естественно возникает проблема их сведения к некоторому агрегатному показателю, позволяющему проводить зримые, понятные сравнения (по аналогии с использованием показателя ВВП) между странами и территориями, как в статике, так и в динамике. Для комплексных же индикаторов нередко представляет проблему произвольность процедур взвешивания составляющих компонент [Stiglitz et al., 2009].

Каковы реальные альтернативы?

К настоящему времени разработано немало подходов к измерению результатов социально-экономического развития стран и территорий, которые выдвигаются в качестве альтернативы валовых показателей. Известные подходы, как правило, предполагают построение комплексных индикаторов или панелей индикаторов с выведением агрегированного результирующего показателя. В их числе отметим оценку «зеленого» ВРП, построение индекса развития человеческого потенциала, эколого-экономический индекс регионов, индекс инклюзивного развития. Но все они подвергаются критике, поскольку в той или иной степени не справляются с поставленными задачами. Развернутые характеристики многих из них приведены в работах [Россия в зеркале, 2019; Павлова и др., 2018; Балашова, Нахатакян, 2017].

На практике построение альтернатив в основном происходит двумя путями.

Первый – формирование нового индикатора путем коррекции одного из базовых показателей СНС (стоимости внутреннего или национального продукта, конечного потребления) с вычитанием нежелательных, «достойных сожаления» составляющих (расходов на оборону, стоимостной оценки загрязнения окружающей среды и проч.), но с добавлением неучтенных компонент

(стоимостной оценки свободного времени граждан и результатов нерыночной деятельности, теневой экономики и т.д.). В качестве примеров можно привести следующие.

Оценка *«Меры экономического благосостояния» (Measure of Economic Welfare / MEW)*, предложенная Нордхаусом и Тобином еще в начале 1970-х годов [Nordhaus, Tobin, 1972] и в дальнейшем преобразованная в индикатор «Чистого экономического благосостояния» (Net Economic Welfare / NEW) – о чем упоминается в классическом учебнике «Экономика» Пола Самуэльсона [Самуэльсон, Нордхаус, 1997].

Индекс *«Устойчивого экономического благосостояния» (Index of Sustainable Economic Welfare / ISEW)*, корректирующий величину личного потребления с учетом ряда социально-экономических параметров, включая (со знаком минус) затраты, возникающие вследствие ухудшения состояния окружающей среды, и амортизацию природного капитала [Daly, Cobb, 1989].

Индикатор *«Подлинного прогресса» (Genuine Progress Indicator / GPI)*, представляющий собой некоторое усовершенствование ISEW [Kubiszewski, 2019], оценки которого в конце 1990-х – начале 2000-х годов были сделаны для большого числа стран мира и ряда регионов США, Канады, Италии, Австралии, Китая.

Индикатор *«Скорректированных (истинных) чистых сбережений» (Adjusted Net Savings / ANS)* – относительный показатель, который строится на основе коррекции величины валовых накоплений (за вычетом потребления основного капитала, истощения природных ресурсов, ущерба от загрязнения окружающей среды; с прибавлением затрат на развитие человеческого капитала) и рассчитывается в процентном отношении к величине валового национального дохода [Bolt et al., 2002]. Показатель систематически калькулируется для большинства стран мира и присутствует, например, в статистической базе Всемирного банка⁴. На основе методологии ANS Российским представителем Всемирного фонда дикой природы рассчитывался «Эколого-экономический индекс регионов РФ», являющийся

⁴ См.: World Bank Open Data – Adjusted net savings, including particulate emission damage (% of GNI). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.ADJ.SVNG.GN.ZS> (дата обращения: 15.02.2022).

адаптированной версии скорректированных чистых сбережений для регионального уровня [Бобылев и др., 2012].

Показатели «зеленого» (*устойчивого, экологически скорректированного*) ВВП или ВВП подправляют соответствующие базовые показатели СНС на величину стоимостных оценок выбытия природных ресурсов, деградации окружающей среды и расходов на ее охрану [Wu, Wu, 2010]. Оценки базируются на методологии, рекомендованной Статистическим отделом ООН в рамках системы эколого-экономического учета⁵. К настоящему времени опубликовано большое число исследований с результатами оценок и сравнением базовых и экологически скорректированных показателей на национальном (к примеру для развитых и развивающихся стран [Stijepanovic et al., 2019]) и региональном уровнях (для российских регионов, например [Рюмина, Аникина, 2009]).

Второй путь связан с построением композитных индексов на базе панелей индикаторов, отражающих различные аспекты экономического и социального развития, инновационной деятельности, воздействия на окружающую среду и природоохранной деятельности. При составлении таких индексов используются разнообразные источники исходных данных: статистическая информация, экспертные оценки, результаты опросов общественного мнения и проч. Итоговые агрегаты выводятся путем взвешивания частных компонент или субиндексов (по установленным разработчиками правилам) с последующим построением рейтингов и рэнкингов.

Среди известных и весьма многочисленных примеров прежде всего следует назвать «Индекс глобальной конкурентоспособности» (*Global Competitiveness Index / GCI*), представляемый Всемирным экономическим форумом (ВЭФ) в регулярных отчетах, начиная с 2004 г. И хотя в исследовании ВЭФ проводится рейтингование стран мира по уровню конкурентоспособности национальных экономик, название индекса не должно вводить в заблуждение. В сущности, он дает межстрановое сравнение по уровню экономического развития с учетом многих факторов

⁵ System of Environmental-Economic Accounting 2012 – Central Framework. (2014). New York: United Nations, 346+xxix p. Available at: <https://unstats.un.org/unsd/EconStatKB/KnowledgebaseArticle10385.aspx> (accessed 15.02.2022).

(социальных, экологических, инновационных), которые не охватываются показателями СНС⁶.

«Индекс инклюзивного развития» (Inclusive Development Index / IDI) предстает как интегральный показатель оценивания количественных и качественных аспектов экономического роста. Он опирается на три группы переменных, отражающих экономический рост, инклюзивность (включая показатели неравенства по доходам и собственности, уровня бедности и медианного дохода) и устойчивость развития. Глобальная оценка индекса также является «продуктом» ВЭФ⁷. Опубликованы и оценки индекса для регионов России, выполненные в РАНХиГС [Барина, Земцов, 2019] и ИЭОПП СО РАН [Севастьянова и др., 2017].

«Индекс социального прогресса» (The Social Progress Index / SPI) дает рейтинговую оценку того, в какой мере обеспечиваются важнейшие социальные и экологические потребности граждан, охватывая три группы признаков («Основные потребности человека» / Basic human needs; «Основы благополучия» / Foundations of wellbeing; «Возможности» / Opportunity). Разработчики индекса делают особый акцент на том, что не используют (в отличие от других) традиционные экономические показатели (ВВП и проч.), ориентируясь на социальные индикаторы⁸.

«Индекс человеческого развития» (Human Development Index / HDI) – агрегированный композитный индекс, который измеряет ключевые аспекты человеческого развития, объединяемые в три группы (продолжительность жизни и состояние здоровья; доступ к образованию; уровень жизни, измеряемый с помощью показателя ВНД по паритету покупательной способности на душу населения). Международные оценки выполняются в рамках Программы развития ООН⁹. В России на региональном уровне индекс рассчитывается с 1998 г. с публикацией результатов

⁶ The Global Competitiveness Report 2019. (2019). Geneva: World Economic, 648 p. Available at: <https://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2019> (accessed 15.02.2022).

⁷ The Inclusive Development Index 2018. (2018). Geneva: World Economic, 26 p. Available at: <https://www.weforum.org/reports/the-inclusive-development-index-2018> (accessed 15.02.2022).

⁸ Social Progress Index – 2021. (2021). Washington, DC: Social Progress Imperative, Available at: <https://www.socialprogress.org/index/global> (accessed 15.02.2022).

⁹ Human Development (2020). Report 2020. The next frontier: Human development and the Anthropocene. New York: United Nations Development Programme, 397 p. Available at: <https://hdr.undp.org/en/2020-report> (accessed 15.02.2022).

в Докладах о человеческом развитии в Российской Федерации, издаваемых Аналитическим центром при Правительстве РФ¹⁰.

«Индекс лучшей жизни» (*Better Life Index / BLI*) рассчитывается на базе информационной панели, которая предоставляет данные о ключевых показателях, измеряющих такие области, как благополучие, качество окружающей среды, качество государственных услуг и безопасность. «Провайдером» индекса является ОЭСР¹¹.

Можно назвать еще целый ряд индексов, отражающих те или иные качественные аспекты социально-экономического развития, расширяющие рамки традиционного стоимостного учета: устойчивости¹², инновационности¹³, развития информационного общества¹⁴, «простого» человеческого счастья¹⁵ и др.

В целом же реализация современных подходов к улучшению измерителей социально-экономического развития сопряжена с немалыми проблемами и трудностями. Так, реформирование измерителей в составе СНС представляет собой весьма «ресурсоемкую» работу, требующую больших усилий и затрат времени (в особенности в том, что касается перевода национальных статистик на «новые «рельсы»). При этом качество модернизированных индикаторов подвергается справедливой критике. Например, по мнению Стиглица, фундаментальная проблема «зеленого» ВВП и родственных ему индикаторов MEW, ISEW, GPI заключается в том, что они не характеризуют устойчивость как таковую [Stiglitz et al., 2009]. Неслучайно поэтому Европейская

¹⁰ Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год / под ред. С. Н. Бобылева, Л. М. Григорьева. М: АЦ при Правительстве РФ, 2018. 172 с. URL: <https://ac.gov.ru/publications/topics/topic/13773> (дата обращения: 15.02.2022).

¹¹ How's Life? (2020). 2020: Measuring Well-being. Paris: OECD Publishing, 247 p. DOI: <https://doi.org/10.1787/9870c393-en>

¹² Индекс прогресса по целям устойчивого развития (Sustainable Development Goals Index – URL: <https://www.sdgindex.org>).

¹³ Глобальный инновационный индекс (The Global Innovation Index – URL: <https://www.globalinnovationindex.org/Home>) и Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации (ВИЭ – URL: <https://www.hse.ru/primarydata/rir>).

¹⁴ Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (ICT Development Index – URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/IDI/default.aspx>).

¹⁵ Happy Planet Index (Wellbeing Economy Alliance – URL: <https://happyplanetindex.org>) и Ranking of Happiness / World Happiness Report (Sustainable Development Solutions Network – URL: <https://worldhappiness.report>). Следует при этом отметить, что названные страновые рейтинги по уровню счастья граждан дают во многом противоположные результаты, что говорит об известной субъективности построения подобных индексов.

комиссия до сих пор отслеживает выполнение стратегических целей устойчивого, инклюзивного и инновационного развития (*smarter, greener, more inclusive*), опираясь на представительный набор основных и вспомогательных статистических показателей в области занятости, исследований и разработок, изменения климата и энергетики, образования и сокращения бедности¹⁶. В свою очередь, в рекомендациях МВФ по развитию статистического учета благосостояния указывается: для того, чтобы статистика стала более «ориентированной на людей», необходимо дальнейшее развитие и заполнение пробелов в СНС относительно данных, касающихся показателей экономического благосостояния, распределения доходов, потребления и богатства, эффектов цифровизации (имея в виду ее воздействие на уровень и темпы роста благосостояния) [Reinsdorf, 2020].

Композитные индексы, являющиеся чаще всего целевыми, по мнению автора, грешат неполнотой и несбалансированностью отражения разнообразных аспектов социально-экономического развития и обычно имеют «уклон» в сторону каких-либо отдельных параметров (устойчивости, инновационности, инклюзивности, человеческого капитала). Но всем им свойствен тройственный субъективизм: (1) исследовательский субъективизм в выборе частных индикаторов, на основе которых составляется итоговый агрегат; (2) субъективность исходных данных, каковыми зачастую являются результаты экспертных и социологических опросов (в том числе среди представителей бизнес-сообществ) – в противовес статистической информации¹⁷; (3) субъективность процедур агрегирования частных показателей – выведения удельных весов (например, по оценкам экспертов) или усреднения тем или иным способом. Отмеченные недостатки известных индексов естественным образом подталкивают к поиску новых решений.

¹⁶ Smarter, greener, more inclusive? Indicators to support the Europe 2020 strategy – 2019 edition. (2019). Luxembourg: Eurostat, Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-statistical-books/-/ks-04-19-559> (accessed 15.02.2022). DOI: <https://doi.org/10.2785/379691>

¹⁷ Статистические учетные данные зачастую тоже грешат необъективностью и ошибками, но в целом – по сравнению с экспертными и социологическими опросами – не столь подвержены влиянию «человеческого фактора», который может оказывать серьезные искажающие воздействия. Пример тому – кардинальные различия в результатах построения двух известных глобальных индексов счастья от Wellbeing Economy Alliance и Sustainable Development Solutions Network (см. выше).

Особенности и трудности оценки результатов регионального социально-экономического развития в России

*«Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить...»*

Ф.И. Тютчев

На региональном уровне одним из основных индикаторов СНС является показатель ВРП, который используется для анализа социально-экономической ситуации в регионах, например, для мониторинга экономического роста, сопоставления регионов друг с другом и выявления отстающих, а также для построения прогнозов на будущее. Нельзя не видеть, что индикатор ВРП, будучи региональным эквивалентом показателя ВВП, страдает теми же недостатками: оценивает рыночное производство и слабо пригоден в качестве меры экономического благосостояния, поскольку при измерении упускается из виду уровень жизни населения (в различных его аспектах, включая неравенство), состояние окружающей среды, внедрение инноваций и проч.

Вообще расчет показателей СНС на региональном уровне (ВРП, показателей фактического конечного потребления и валового накопления основного капитала и др.) представляет большую сложность, чем на макроуровне. Это связано с проблемами пространственного распределения создаваемой стоимости, ее территориальной привязки, что в свою очередь обуславливается открытостью региональных экономик и деятельностью не только монорегиональных, но и мультирегиональных и национальных институциональных единиц. Как справедливо отмечают некоторые авторы [Михеева, 2020], специфическую проблему представляет учет деятельности резидентных и нерезидентных единиц в ВРП. Из определения ВРП следует, что при его расчете учитываются конечные товары и услуги, произведенные резидентами региона. Но поскольку экономика любого региона является открытой, некоторые экономические операции могут осуществляться нерезидентами рассматриваемого региона на его территории. В связи с этим возникают сложности в распределении операций мультирегиональных компаний между регионами. Проблемы распределения типичны при учете, например, услуг финансовых посредников (банков) или добавленной стоимости внешней торговли.

В ВРП не учитываются некоторые виды операций, которые отражаются в ВВП. Речь идет о государственных «коллективных услугах», имеющих нерыночный характер (например, об услугах обороны и государственного управления). Такие услуги производятся национальными институциональными единицами (центральным правительством, некоторые – государственными или федеральными корпорациями), непосредственная деятельность которых локализуется в тех или иных регионах, а результаты распространяются на всю страну. Стоимостную оценку этих результатов довольно сложно распределить между регионами России. Как следствие, суммарный ВРП по субъектам РФ меньше величины ВВП страны.

Свои трудности имеет и оценка теневой экономики. Включение ее в расчет ВРП, а также оценка масштабов в принципе являются непростыми задачами для национальных статистических служб. Так, Росстат включает оценки валовой добавленной стоимости ненаблюдаемой экономики в рассчитываемый ВРП начиная с 1997 г., однако величины этих досчетов не раскрываются [Зайцева, 2012]. Из-за неполноты публикуемых данных, пробелов в ведении региональной экономической статистики затруднена коррекция недостатков показателя валового дохода по методикам, применяемым на национальном уровне. В частности, это касается оценок чистых сбережений и выбытия капитала. Вообще в ВРП не отражаются (или слабо отражаются) услуги, которым сложно дать денежную оценку, т.е. неформальная деятельность, осуществляемая вне рынка (например, воспитание детей в семье или производство продукции подсобного хозяйства). Однако эта деятельность вносит свой вклад в индивидуальное благосостояние людей и требует своей оценки.

В России, точно так же как и в мировой практике, недостатки измерения в рамках СНС отчасти компенсируются путем построения модифицированных показателей и композитных индексов. Российские индексные рейтинги и рэнкинги, позволяющие в той или иной степени оценивать результаты социально-экономического развития регионов страны, не столь многочисленны в сравнении с международными. Но будучи аналогами мировых индексов, имеют практически те же самые недостатки.

Прежде всего следует указать на неполноту (ограниченность числа) факторов, принимаемых во внимание при проведении

оценок. Наиболее узко представлены факторы, отражающие инновационные процессы, происходящие в экономике. В свою очередь, в рейтингах и индексах инновационного развития регионов практически не учитываются социальные и экологические параметры, что хорошо видно на примере одного из самых представительных исследований, проводимого Институтом статистических исследований и экономики знаний ВШЭ¹⁸. Другой существенный недостаток выражается в далеко не полной временной систематичности исследований и получаемых в результате оценок. Например, эколого-экономический индекс регионов [Бобылев и др., 2012] рассчитан только для периода 2000–2008 гг. Известные оценки инклюзивности развития регионов России охватывают периоды 1998–2015 [Баринаева, Земцов, 2019] и 2008–2014 гг. [Севастьянова и др., 2017]. Построение подобных индексов наталкивается на информационные трудности, связанные с неполнотой доступной региональной статистики (прежде всего по показателям, необходимым для оценки чистых накоплений).

Недостатки отдельных подходов могут быть связаны с методическим несовершенством выбора и оценивания измерителей. В качестве примера можно привести Эколого-экономический индекс регионов России [Бобылев и др., 2012], равно как и некоторые другие оценки, основанные на расчете истинных сбережений [Сырцова и др., 2016]. Вследствие завышения стоимости истощения запасов полезных ископаемых, выстраиваемые рейтинги устойчивости в экономическом отношении фактически превращаются в рейтинги «антиразвития»: лидерами становятся депрессивные регионы со слабо развитой промышленностью (Республики Алтай и Тыва, Ингушетия, Еврейская АО), а аутсайдерами – такие экономически сильные и сравнительно быстро развивающиеся регионы, как Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа и Сахалинская область. По мнению автора, неправомерно рассчитывать степень истощения запасов по стоимости добытой продукции в рыночных ценах (как в работе [Бобылев и др., 2012]) или даже по величине прибыли (т.е. разницы между стоимостью и себестоимостью продукции

¹⁸ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации (ВШЭ – URL: <https://www.hse.ru/primarydata/rir>).

[Сырцова и др., 2016]). Такой расчет следует делать на основе величины стоимости запасов как капитализированной ренты за весь период освоения (прошедшего и предстоящего), ведь именно рента представляет собой тот «неустойчивый» доход, который образуется при инвестировании в ресурсоэксплуатирующие производства по сравнению с альтернативными направлениями вложений. Собственно говоря, авторы методики сами акцентируют внимание на том, что наиболее спорным и сложным в расчетах компонентом истинных сбережений является оценка «истощения запасов природных ресурсов» [Сырцова и др., 2016].

Отмеченные выше обстоятельства в сочетании с общими для валовых измерителей (независимо от уровня – национального или регионального) недостатками, которые связаны с проблемой учета фактора инноваций, качества жизни или, к примеру, экологических внешних эффектов (экстерналий) и истощения природных ресурсов, еще в большей степени актуализируют поиск новых решений в области измерения (оценки) результатов социально-экономического развития российских регионов. Одним из таких направлений может стать формирование региональных индексов гармоничного развития с учетом факторов устойчивости, инклюзивности и инновационности в сочетании с фактором экономического благосостояния.

Индекс гармоничного социально-экономического развития

Наше исследование нацелено на выработку возможного решения следующей проблемы: как, имея набор частных индикаторов, которые характеризуют те или иные аспекты социально-экономического развития, получить агрегированный результирующий показатель, интерпретируемый в соответствии с критерием «гармоничного» социально-экономического развития? То есть мы движемся по известному пути построения композитного индекса, но, в отличие от рассмотренных выше вариантов, стараемся расширить состав учитываемых факторов, не делая крена в сторону какого-либо из аспектов.

В нашем понимании «гармоничное развитие» – это процесс преобразования социально-экономической ситуации в стране или в регионе, не только ведущий к росту благосостояния граждан, но и удовлетворяющий требованиям устойчивости,

инклюзивности и инновационности [Крюков и др., 2017]. В таком случае результирующий комплексный индикатор, помимо факторов экономического роста (благополучия, доходов), должен отражать и названные выше дополнительные факторы. Не претендуя на истинность в конечной инстанции, еще раз хотелось бы подчеркнуть, что речь идет именно об одном из возможных подходов, вероятно, далеко не идеальном, но, по мнению автора, заслуживающем внимания.

Отметим, что сама по себе идея гармоничности, подразумевающая связность различных компонент в социально-экономическом развитии, не нова и не только привлекает к себе внимание исследователей, но и находит практическое применение. Например, в Китае идея движения к «гармоничному миру» на основе традиционных ценностей не только политически декларируется [Бодрова, 2013; Poole, 2014], но и выражается в формировании новых практических целей социально-экономического развития на основе измеримых критериев, «индекса гармоничного развития», который рассчитывается для конкретных административно-территориальных образований¹⁹ [Ну, 2012]. Среди отечественных исследователей также складывается мнение, что в современных условиях в России проблема гармоничного развития региональных социально-экономических систем должна привлечь к себе надлежащее внимание со стороны общества и государства [Муратов, 2012].

Для оценки степени (меры), в которой характер социально-экономического развития различных территорий (стран и регионов) соответствует требованиям или критериям гармоничности в изложенном выше понимании, целесообразно использовать композитный индекс с охватом четырех блоков индикаторов оценивания, а именно: «Экономическое благополучие/Развитие», «Устойчивость», «Инклюзивность», «Инновации». Включение перечисленных блоков индикаторов для оценки индекса гармоничного развития является, в известном смысле, и ответом на критику валовых показателей экономического роста. То есть мы идем по пути нивелирования наиболее критикуемых

¹⁹ Outcome of the First National Index Evaluating both Scientific and Harmonious Development in the Cities. (2010). Release of Index of the Harmonious Development in Cities of China. Shanghai: East China University of Science and Technology. Available at: https://www2.ecust.edu.cn/_t41/2007/1108/c841a14163/page.htm (accessed 15.02.2022).

слабых мест, связанных с недостаточным учетом экологических и инновационных факторов развития, а также фактора неравенства в распределении доходов.

При построении индекса гармоничного развития мы опираемся исключительно на статистические данные, не прибегая к помощи экспертов. Использование статистики позволяет, на наш взгляд, повысить надежность оценок – естественно, в пределах надежности самой статистической информации. Современная статистика дает множество показателей, которые могут быть отнесены к тому или иному из указанных выше блоков. Поэтому на стадии подготовки практических расчетов потребуются решить вопрос о выборе конкретных индикаторов для каждого из них, равно как и об общем числе учитываемых показателей. Априорно можно сказать, что выбор во многом будет зависеть от уровня оценивания – национального или регионального, – что связано с особенностями организации статистического учета и доступностью исходных данных.

Заключение

Вплоть до настоящего времени главным индикатором, отражающим благополучие стран и регионов и характеризующим их экономическое развитие, остается показатель валового продукта (внутреннего или регионального). Однако его использование в качестве меры благосостояния населения и социально-экономического прогресса подвергается серьезной критике в силу многих причин. Поэтому для комплексной оценки результатов социально-экономического развития с учетом широкого круга факторов, определяющих устойчивость, экологическую безопасность и инклюзивность роста, степень его инновационности, показатель валового продукта целесообразно дополнить другими индикаторами, которые активно разрабатываются, начиная с 1990-х годов.

При этом, по мнению автора, было бы преждевременно говорить о необходимости полной замены базовых показателей системы национальных счетов каким-либо альтернативными индикаторами. Достаточно сказать, что указанные индикаторы (или их комплексы, панели) еще не вышли из стадии разработки, в большей степени являются предметом научных исследований, нежели объектом действительного внедрения в практику

статистических наблюдений и экономического анализа. Да и сколько-нибудь радикальное реформирование системы СНС, на которой базируется деятельность статистических институтов едва ли не всех стран мира, неизбежно будет сопряжена с большими затратами ресурсов и времени. Новые методы измерения, по крайней мере, если рассуждать о ближайшем будущем, должны дополнить традиционные, способствовать устранению тех пробелов и недостатков, которые свойственны общепринятым показателям. Сказанное в полной мере относится и к предложенному нами индексу гармоничного развития, расчеты которого направлены на расширение представлений о результатах социально-экономического развития территорий.

Результаты расчетов индекса для национального и регионального уровней планируется опубликовать в ближайших выпусках «ЭКО».

Литература / References

Балашова С. А., Нахатакян Е. О. Систематизация подходов к оценке социально-экономического развития стран по индексу благосостояния // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2017. Т. 25. № 2. С. 219–232. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2017-25-2-219-232>

Balashova, S.A., Nakhatakyan, E.O. (2017). Systematization of the approaches assessing socio-economic development of the countries by using welfare index. *RUDN Journal of Economics*. Vol. 25 (2). Pp. 219–232. (In Russ).

Баринова В. А., Земцов С. П. Инклюзивный рост и устойчивость регионов России // Регион: экономика и социология. 2019. № 1. С. 23–46.

Barinova, V.A., Zemtsov, S.P. (2019). Inclusive growth and regional resilience in Russia. *Region: Economics & Sociology*. No. 1 (101). Pp. 23–46. (In Russ).

Бобылев С. Н., Минаков В. С., Соловьева С. В., Третьяков В. В. Эколого-экономический индекс регионов РФ. Методика и показатели для расчета. М.: WWF России; РИА Новости, 2012. 150 с. URL: <https://wwf.ru/resources/publications/booklets/ekologo-ekonomicheskii-indeks-regionov-rf/> (дата обращения: 15.02.2022).

Bobylev, S.N., Minakov, V.S. Solov'yeva, S.V., Tret'yakov, V.V. (2012). *Ecological and economic index of the regions of the Russian Federation*. Moscow, WWF Russia, RIA Novosti. 150 p. Available at: <https://wwf.ru/resources/publications/booklets/ekologo-ekonomicheskii-indeks-regionov-rf/> (accessed 15.02.2022). (In Russ).

Бодрова О. И. Опыт Китая в построении культуры «гармоничного мира» // Вестник ВСГУТУ. 2013. № 3. С. 139–144.

Boдрova, O.I. (2013). The experience of China in creation of culture of the “harmonious peace”. *Vestnik VSGUTU [ESSUTM Bulletin]*. No. 3. Pp. 139–144. (In Russ.).

Зайцева Ю. С. Валовой региональный продукт: что и как мы измеряем // ЭКО. 2012. № 4. С. 86–103.

Zaytseva, Yu.S. (2012). Gross regional product: what and how we measure. *ECO*. No. 4. Pp. 86–103. (In Russ.).

Крюков В. А., Севастьянова А. Е., Токарев А. Н., Шмат В. В. Современный подход к разработке и выбору стратегических альтернатив развития ресурсных регионов // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 1. С. 93–105.

Kryukov, V.A., Sevastyanova, A.Ye., Tokarev, A.N., Shmat, V.V. (2017). A Modern Approach to the Elaboration and Selection of Strategic Alternatives for Resource Regions. *Economy of Region*. Vol. 13. No. 1. Pp. 93–105.

Лавров Е. И., Капогузов Е. А. Экономический рост. Теории и проблемы. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. 214 с.

Lavrov, E.I., Kapoguzov, E.A. (2006). *The economic growth. Theories and problems*. Omsk, Publishing house of OmSU. 214 p. (In Russ.).

Матвеева Т. Ю. Введение в макроэкономику. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 511 с.

Matveyeva, T. Yu. (2007). *Introduction to Macroeconomics*. Moscow, HSE Ed. House. 511 p. (In Russ.).

Мухеева Н. Н. Возможные альтернативы показателю валового регионального продукта // Проблемы прогнозирования. 2020. № 1. С. 32–42.

Mikheyeva, N.N. (2020). Possible Alternatives to the Gross Regional Product Indicator. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 31. No. 1. Pp. 24–30.

Муратов А. С. Проблемы гармоничного развития предприятий и территориальных образований / сб. науч. трудов под общ. ред. А. С. Муратова. Новокузнецк: НФИ КемГУ, 2012. 269 с.

Muratov, A.S. (2012). *Problems of harmonious development of enterprises and territorial entities*. Novokuznetsk. 269 p. (In Russ.).

Новиков А. В., Новикова И. Я. ВВП как стоимостной измеритель объема экономики и индикатор экономического роста // ЭКО. № 9. 2019. С. 165–187. DOI: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-9-165-187>

Novikov, A.V., Novikova, I. Ya. (2019). GDP as the value of measuring the size of the economy and the country's economic growth. *ECO*. No. 9. Pp. 165–187. (In Russ). DOI: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-9-165-187>

Павлова И. А., Гуменников И. В., Монастырный Е. А., Шарма Д. Что стоит за интегральными индексами благополучия? // Вестник науки Сибири. 2018. № 4 (31). С. 230–254.

Pavlova, I.A., Gumennikov, I.V., Monastyrny, E.A., Sharma, D. (2018). What is behind composite wellbeing indices? *Siberian Journal of Science*. No. 4 (31). Pp. 230–254. (In Russ.).

Пахомова Н. В., Малышков Г. Б. Инклюзивный устойчивый рост и стратегия новой индустриализации: институциональные рамки для согласования // Экономика и управление. 2016. № 1 (123). С. 29–37.

Pakhomova, N.V., Malyshev, G.B. (2016). Inclusive Sustainable Growth and New Industrialization Strategy: Institutional Framework for Harmonization. *Economics and Management*. No. 1 (123). Pp. 29–37. (In Russ.).

Россия в зеркале международных рейтингов. Информационно-справочное издание / Отв. ред. В. И. Сулов, научн. ред. О. В. Валиева, Н. А. Кравченко (ИЭОПП СО РАН). Новосибирск: Параллель, 2019. 171 с.

Russia in the mirror of international ratings. Information and reference issue (2019). Ed. Suslov, V.I., Valieva, O.V., Kravchenko, N.A. Novosibirsk. 171 p. (In Russ.).

Рюмина Е. В., Аникина А. М. Экологически скорректированная оценка экономического развития регионов // Проблемы прогнозирования. 2009. № 2. С. 78–94.

Ryumina, E.V., Anikina, A.M. (2009). Environmentally Adjusted Evaluation of Regional Economic Growth. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 20. No. 2. Pp.169–180. (In Russ.).

Самуэльсон П. А., Нордхаус В. Д. Экономика / Пер. с англ. М.: «БИНОМ», «Лаборатория Базовых Знаний», 1997. 800 с.

Samuelson, P.A., Nordhaus W.D. (1995). *Economics. 15th ed.* New York. McGraw-Hill. 832 p. (In Russ.).

Севастьянова А. Е., Токарев А. Н., Шмат В. В. Особенности применения концепции инклюзивного развития для регионов ресурсного типа // Регион: экономика и социология. 2017. № 1. С. 213–236.

Sevast'yanova, A. E., Tokarev, A.N., Shmat, V.V. (2017). Application Features of Inclusive Development Concept in Resource Regions. *Region: Economics and Sociology*. No. 1. Pp. 213–236. (In Russ.).

Сырцова Е. А., Пыжжев А. И., Зандер Е. В. Истинные сбережения регионов Сибири: новые оценки, старые проблемы // ЭКО. 2016. № 6. С. 109–129.

Syrtsova, E.A., Pyzhev, A.I., Zander, E.V. (2016). Genuine savings for Siberian Regions: new estimates, old problems. *ECO*. No. 6. Pp. 109–129. (In Russ.).

Черемисинова Д. В. Современное развитие дефиниций «экономический рост» и «экономическое развитие» // Economics. 2017. № 3 (24). С. 6–13.

Cheremisinova, D.V. (2017). Modern development of the definitions of “economic growth” and “economic development”. *Economics*. No. 3 (24). Pp. 6–13. (In Russ.).

Bean, C. Independent Review of UK Economic Statistics. London School of Economics, 2016. 259 p. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/independent-review-of-uk-economic-statistics-final-report> (accessed 15.02.2022).

Bolt, K., Clemens, M.A., Matete M. (2010). Manual for calculating adjusted net savings. Washington, D.C.: World Bank Group, 23 p. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/436351468320071776/Manual-for-calculating-adjusted-net-savings> (accessed 15.02.2022).

Coyle, D. (2014). *GDP: A Brief but Affectionate History*. Princeton University Press, 168 p.

Coyle, D. (2015). Modernising Economic Statistics: Why It Matters // National Institute Economic Review. No. 234. Nov. Pp. F4–F7.

Daly, H.E. and Cobb, Jr., J.B. (1989). *For the Common Good: Redirecting the Economy toward Community, the Environment, and a Sustainable Future*. Boston: Beacon Press, 482 p.

Hu, Y. (2012). Study of the Construction of the Harmonious Development of the Regional Economic Index System. Proceedings of the 20123rd International Conference on E-Business and E-Government. Vol. 03. Shanghai, China. Pp. 858–861.

Kubiszewski, I. (2019). *The Genuine Progress Indicator: A Measure of Net Economic Welfare*. Encyclopedia of Ecology (Second Edition). Ed. Fath B. Elsevier. Pp. 327–325. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-409548-9.10609-8>

Nordhaus, W.D., Tobin, J. (1972). Is Growth Obsolete? *Economic Research: Retrospect and Prospect*, Vol. 5, Economic Growth. Cambridge, MA: NBER, Pp. 1–80. Available at: <https://www.nber.org/books-and-chapters/economic-research-retrospect-and-prospect-volume-5-economic-growth/growth-obsolete> (accessed 15.02.2022).

Poole, R.E. (2014). China's 'Harmonious World' in the Era of the Rising East. *Inquiries Journal*. Vol. 6. No. 10. Available at: <http://www.inquiriesjournal.com/articles/932/chinas-harmonious-world-in-the-era-of-the-rising-east> (accessed 15.02.2022).

Reinsdorf, M. (2020). Measuring Economic Welfare: What and How? IMF Policy Paper No. 2020/028. Washington, D.C.: International Monetary Fund, 49 p. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2020/05/18/Measuring-Economic-Welfare-What-and-How-49438> (accessed 15.02.2022).

Stiglitz, J., Sen, A., Fitoussi, J.-P. (2010). Mis-measuring our lives. Why GDP doesn't add up. New York: The New Press, 176 p.

Stiglitz, J.E., Sen, A., Fitoussi, J.-P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. Paris, 2019. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/8131721/8131772/Stiglitz-Sen-Fitoussi-Commission-report.pdf> (accessed 15.02.2022).

Stjepanović, S., Tomic, D., Skare, M. (2019). Green GDP: an analysis for developing and developed countries. *E+M Ekonomie a Management*. Vol XXII. Is. 4. P. 4–17. DOI: <https://dx.doi.org/10.15240/tul/001/2019-4-001>

Wu, J., Wu, T. (2010). Green GDP // *Berkshire Encyclopedia of Sustainability*. Vol. II. The Business of Sustainability. Great Barrington, MA: Berkshire Publishing Group, Pp. 248–250. DOI: <https://doi.org/10.1093/acref/9780190622664.001.000>

Статья поступила 12.04.2022

Статья принята к публикации 21.04.2022

Для цитирования: Шмат В. В. Экономический рост или гармоничное социально-экономическое развитие? Часть I. Теоретико-методический взгляд // ЭКО. 2022. № 6. С. 89–110. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-6-89-110

For citation: Shmat, V.V. (2022). Economic Growth or Harmonious Socio-economic Development? Part I. Theoretical and Methodological View. *ECO*. No. 6. Pp. 89–110. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-6-89-110

Summary

Shmat, V.V., Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, Novosibirsk

**Economic Growth or Harmonious Socio-Economic Development?
Part I. Theoretical and Methodological View**

Abstract. At the turn of the millennium, a change in the priorities of socio-economic development of territories, countries and regions has become clearly visible. The goals of increasing production volumes and increasing monetary wealth are giving way to new ones associated with the preservation of the natural environment, overcoming poverty and social inequality, human development and the desire to innovate. The change in the growth paradigm raises the question of the adequacy of traditional statistical approaches to the measurement and evaluation of the results of socio-economic development, has put forward the task of developing and implementing new, more appropriate to modern conditions, indicators and methods of evaluation.

The paper provides a brief analysis of the prevailing ideas to reform the traditional methods of measuring and evaluating the results of socio-economic development of territories and proposes an approach based on the combined consideration of the factors of economic welfare, sustainability, inclusiveness and innovativeness. These factors are considered as the most important characteristics of economic growth and as the components of harmonious socio-economic development, the results of which are proposed to be assessed by means of a specially constructed composite index.

Keywords: *territory; economic growth; socio-economic development; economic welfare; sustainability; inclusiveness; innovation; harmonious development; index of harmonious development*